

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора юридических наук, профессора
Лобановой Любови Валентиновны
о диссертации Астаховой Алины Олеговны
«Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного
надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в
соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314¹
УК РФ)», представленной на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право
(Омск-2017).

Достижение серьезных успехов в противодействии преступности невозможно без решения задачи минимизации рецидивной составляющей указанного общественно опасного феномена, справедливо признаваемой в криминологической науке ядром преступности современного общества. Для этого недостаточно назначить виновным справедливое наказание и грамотно организовать его исполнение. В целом ряде случаев возникает потребность в осуществлении контроля за лицами, совершившими преступление, и после отбытия ими наказания, т.е. наблюдения, позволяющего закрепить позитивные результаты исправительного воздействия на освобожденное лицо и сгладить недостатки процесса отбывания указанной уголовно-правовой меры государственного принуждения. Именно для реализации подобного наблюдения законодателем был воскрешен институт административного надзора, хотя и не совсем в его первоизданном виде. В свою очередь для обеспечения надлежащего функционирования названного правового образования в УК РФ в 2011 году была включена статья 314¹.

Несмотря на пристальное внимание отечественного законодателя к указанной статье, выражающееся в многократном ее реформировании, а также на наличие интерпретационного акта по вопросам, связанным с квалификацией соответствующих преступных деяний, проблемы применения ст. 314¹ УК РФ вряд ли можно считать исчерпанными. Так, по-прежнему затруднение у практических работников вызывают вопросы отграничения преступного уклонения от административного надзора либо несоблюдения установленных судом ограничений от административных проступков. Неоднозначно толкуются правоприменителем используемые в анализируемой статье термины. В итоге в неполной мере реализуется профилактический потенциал как самой статьи 314¹ УК РФ, так и обеспечиваемого ею института административного надзора. Подтверждением этому служат немалые величины административных нарушений, совершаемых поднадзорными лицами, не соблюдающими установленные в отношении них судом ограничения либо уклоняющимися от надзора. Да и доля лиц, совершивших преступные деяния в период осуществления в отношении них административного надзора, отнюдь не маленькая (по данным автора диссертации, каждое пятое поднадзорное лицо

совершает в указанный период новое преступление (стр. 180)). Обращает на себя внимание и нестабильность судебной практики в части установления содержания отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи, анализируемой соискателем.

В подобных условиях не может не возникнуть настоятельная потребность в обстоятельной уголовно-правовой характеристике описанных в ст. 314¹ УК РФ составов преступлений. Вместе с тем приходится констатировать, что анализ признаков этих составов до сих пор осуществлялся лишь на уровне мелкомасштабных работ либо являлся частью исследования ряда проблем, затрагивающих группу преступлений или даже касающихся преступлений против правосудия либо порядка управления в целом. Предметом специального научного изучения составы преступлений, закрепленные в ст. 314¹ УК РФ, пока не становились. Думается, что написанная А.О. Астаховой диссертация восполняет данный пробел, образовавшийся в уголовно-правовой науке. С учетом сказанного я нахожу появление диссертационной работы соискателя своевременным, а избранную тему признаю актуальной.

У меня нет сомнений и относительно новизны проведенного А.О. Астаховой научного исследования. От работ других авторов, в той или иной мере затрагивающих вопросы уголовной ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений или ограничения, рецензируемая диссертация отличается целым рядом моментов. Во-первых, она может считаться первым многоохватным исследованием, содержащим детальную характеристику соответствующих юридических конструкций. Во-вторых, в диссертации учтены изменения, произошедшие в самом институте административного надзора, а также в его уголовно-правовом обеспечении в последние годы, включая 2017 г. В-третьих, дано тщательное обоснование межотраслевой природы административного надзора, показана его жесткая связь с юридическим состоянием судимости, выявлены уголовно-правовые элементы этого института. В-четвертых, внесен ряд оригинальных предложений по оптимизации правового закрепления норм, составляющих данный институт, в частности, о замене названия данного вида наблюдения за лицами, освобожденными от наказания, на «превентивный надзор», о внесении изменений в ст. 86 УК РФ, о совершенствовании редакции ст. 314¹ УК РФ и др. В-пятых, предложена авторская трактовка содержания ряда признаков изучаемого состава преступления, в том числе по-новому исследованы признаки «уклонение», «неоднократность несоблюдения», «сопряженность несоблюдения с другими административными правонарушениями». В-шестых, определенную новизну придают работе результаты конкретно-социологического исследования и анализа большого массива судебных решений, а также сформулированные на этой основе рекомендации, обращенные к практическим работникам и высшему судебному органу России.

На стр. 10-11 диссертации вполне четко, на мой взгляд, в соответствии с избранной темой соискатель сформулировала задачи исследования. Я считаю, что в решении таковых автор достигла существенных успехов.

Отчасти это предопределено тем, что структура работы полностью корреспондирует данным задачам и позволяет осветить наиболее важные аспекты заданной тематики. Материал излагается диссертантом в основном в логической последовательности, хотя в некоторых случаях имеются неоправданные повторения (стр. 151, 159-160).

Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих десять параграфов, и заключения. Разумеется, в ней имеется и список использованных источников.

Во введении, как и положено, дается общая характеристика работы.

В главе 1 обосновывается социально-правовая обусловленность уголовно-правовых запретов, закрепленных в ст. 314¹ УК РФ. Показывается межотраслевая природа административного надзора, уклонение от которого и несоблюдение требований которого влечет уголовную ответственность в соответствии с названной статьей, дается характеристика его уголовно-правовой составляющей (параграф 1). Показано, что криминализация деяний, описанных в ст. 314¹ УК РФ, является закономерным явлением (параграф 2). Освещаются историко-правовой (параграф 3) и сравнительно-правовой (параграф 4) аспекты темы.

В главе 3 содержится юридический анализ признаков изучаемых составов преступлений. Освещение соответствующих вопросов производится по традиционной схеме исследования законодательных конструкций подобного рода. Последовательно изучаются признаки, относящиеся к элементам состава преступления. Сообразно с этим здесь выделено четыре параграфа.

Для исследования проблем правоприменительной практики, связанных с квалификацией деяний, описанных в ст. 314¹ УК РФ, а также вопросов совершенствования регламентации уголовной ответственности за уклонение от административного надзора, несоблюдение требований такового диссертантом выделена глава 3.

В целом приемлемой представляется теоретическая основа работы. Здесь представлены труды по общей теории права, по уголовному, уголовно-исполнительному и административному праву, криминологии (всего 212 наименований), написанные в различные хронологические периоды развития юридической науки.

Внушительно выглядит эмпирическая основа работы. В научный оборот автором вовлечены различные официальные статистические данные, изучены 20 архивных уголовных дел, рассмотренных судами г. Омска, г. Красноярска и Красноярского края, а также 485 судебных решений по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314¹ УК РФ, размещенных на электронных сетевых ресурсах. Для решения поставленных диссертантом задач ею также проведен опрос сотрудников правоохранительных органов, судей и научно-педагогических работников вузов (всего анкетированием

охвачено свыше 480 человек). Полученные данные активно используются соискателем в тексте работы (стр. 29, 36, 40, 41, 46, 48, 49, 79, 99, 101-103, 105-107, 109, 119, 120, 122, 124, 125, 132, 133, 135, 148-151, 158, 159, 162, 163, 165, 174, 180 и др.), придавая исследованию наглядность и обстоятельность.

Следует отметить и умелое пользование диссертантом многими методами научного исследования, успешное сочетание приемов и способов теоретического и эмпирического уровня познания действительности (анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, системно-структурного, сравнительно-правового, исторического, конкретно-социологического, изучения архивных уголовных дел и др.).

Так, обращение к зарубежному анализу регламентации уголовной ответственности за нарушение требований постпенитенциарного надзора позволило диссертанту найти дополнительные аргументы не только для показа социально-правовой обусловленности уголовно-правовых средств противодействия деяниям, описанным в ст. 314¹ УК РФ (стр. 66-71; 73), но и для обоснования необходимости закрепления в уголовном законе принципиальной возможности установления в отношении лица, имеющего судимость, превентивного надзора, а также исключения из ч. 1 ст. 314¹ УК РФ указания на специальную цель (уклонения) (стр. 74-75).

Как и следовало ожидать от данного исследования, последнее носит комплексный, междотраслевой характер. А это, с одной стороны, усложняло задачи диссертанта, а с другой – делает успех в их решении более заметным.

Сказанное позволяет судить о выводах автора как об обладающих высокой степенью достоверности и относиться к ним с доверием. Собранные эмпирические данные я нахожу вполне репрезентативными для обоснования содержащихся в диссертации суждений.

Собрав богатый теоретический и практический материал, диссертант смогла, на мой взгляд, им грамотно распорядиться.

Я нахожу возможным согласиться со многими вынесенными на защиту выводами и другими высказанными в диссертации суждениями. Это относится, в частности, к размышлениям автора о природе института административного надзора (стр. 21). Действительно, указанный институт принадлежит к правовым образованиям, в котором составляющие его нормы, обладающие различной отраслевой принадлежностью, только в своей совокупности могут обеспечить относительно законченное правовое регулирование обособленного участка общественных отношений. При этом при обосновании наличия уголовно-правовой составляющей данного института автором наглядно показана связь административного надзора с преступлением, совершенным лицом, в отношении которого этот надзор применяется, а также с уровнем общественной опасности данного преступления и степенью общественной опасности освобождаемого из мест лишения свободы лица (стр. 22). Верно и то, что административный надзор устанавливается в отношении лица, имеющего судимость (стр. 22), хотя он частью последней, по справедливому замечанию автора, вовсе не является, а

дополняет ее (стр. 36-37). Нет у меня возражений против того, что название рассматриваемого диссертантом вида наблюдения, целесообразно заменить (стр. 35, 37). Наименование «Превентивный надзор» действительно более точно определило бы его природу, как совокупности мер принудительного характера, реализуемых в связи с совершением лицом преступного деяния для оказания на данное лицо воздействия в целях, корреспондирующих задачам уголовного права. Правда, подобное изменение должно сопровождаться некоторыми корректировками в части отражения в УК РФ уголовно-правового характера такого рода мер.

О научной зрелости диссертанта свидетельствуют также обстоятельные рассуждения относительно обоснованности произведенной законодателем криминализации деяний, описанных в ст. 314¹ УК РФ. Достаточно полно для этого отражена общественная опасность таких деяний (стр. 40-49), вызывающая потребность в формировании уголовно-правового запрета. Должное внимание уделено и вопросу о жизнеспособности уголовно-правовых норм, закрепленных в указанной статье (стр. 49-52).

На мой взгляд, верны и авторские характеристики большинства признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 314¹ УК РФ. Например, я согласна с утверждением диссертанта, что цель уклонения от административного надзора предполагает желание субъекта выйти из под контроля уполномоченных органов навсегда или по крайней мере на долгое время (стр. 159), и что действия, направленные на кратковременный выход из под наблюдения, должны расцениваться как административный проступок (стр. 159). Суждение соискателя о продолжительности пресекательного срока в 10 суток (стр. 159-160) также представляется привлекательным.

Интерес представляет авторская точка зрения о взаимосвязи в составе преступления, описанного в ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, признаков неоднократности несоблюдения ограничений (ограничения) и сопряженности с другими административными правонарушениями. Я полагаю, что диссертант права, утверждая, что объективная сторона данного посягательства на правосудие не сводится к простому набору административных правонарушений, а представляет собой деяние, которое одновременно должно обладать признаками неоднократности и сопряженности (стр. 165). И действительно, именно в таком сочетании взаимосвязанных между собою противоправных деяний заключается их общественная опасность. Рационально также замечание А.О. Астаховой о том, что из закона вовсе не вытекает, будто для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2. ст. 314¹ УК РФ обязательно, чтобы каждый из трех фактов несоблюдения ограничений был сопряжен с другим административным правонарушением (стр. 167-168).

Заслуживают внимания и многие предложения диссертанта по совершенствованию уголовного законодательства. Следует согласиться с автором в том, что принципиальная возможность установления административного надзора в отношении имеющего судимость лица должна быть оговорена в уголовном законе. А.О. Астахова предлагает это сделать путем внесения дополнений в ст. 86 УК РФ (стр. 180). В таком подходе,

несомненно, есть свой резон, учитывая связь рассматриваемого института с судимостью. Однако не исключен и другой вариант регламентации уголовно-правовых аспектов административного надзора – в отдельной статье УК, рядом с другими положениями, посвященными иным мерам уголовно-правового характера. Предложенная диссертантом новая редакция ст. 314¹ УК РФ (стр. 182-183) также, на мой взгляд, вызывает научный и практический интерес. Например, привлекает к себе внимание исключение из формулировки ч. 1 указания на цель преступления и, напротив, включение в нее указания на продолжительность пресекательного срока. Подобные изменения закона, по всей вероятности, упростят понимание правоприменителем смысла уголовно-правового запрета.

Наряду с несомненными достоинствами, в диссертации А.О. Астаховой имеются недостатки, а также встречаются суждения, вызывающие сомнения или побуждающие к дискуссии.

1. Некоторые сомнения у меня вызывает правильность определения диссертантом объекта и целей своего исследования. Вряд ли следует, на мой взгляд, отождествлять объект научного поиска с уголовно-правовыми отношениями ответственности (стр. 9, 10). Скорее речь должна идти об отношениях, возникающих в связи с закреплением в законе уголовно-правовых средств противодействия уклонению от административного надзора и их практической реализацией. Что же касается цели научного исследования, то ее определение оказалось несколько зауженным и корреспондирует лишь одной из одной из прикладных задач, указанной в качестве последней (стр. 11) во введении к диссертации. А как соотносятся с целью разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства другие теоретико-познавательные и прикладные задачи, поставленные перед собой соискателем, остается неясным.

2. Диссертантом упущены некоторые возможности пополнить теоретическую базу исследования за счет крупномасштабных работ, посвященных преступлениям против правосудия. Например, без внимания автора осталась монография И.В. Дворянскова (Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти. М.: изд. Центр РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2013), в которой, в отличие от моих работ или работ Ю.И. Кулешова, уже содержится анализ состава преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ.

3. Не вполне убедительными мне представляются аргументы, с помощью которых обосновываются выводы об уголовно-правовом характере мер, применяемых к лицам, в отношении которых устанавливается административный надзор, и об уголовно-правовом характере общественных отношений, в рамках которых такой надзор реализуется. Связь административного надзора с преступлением, ранее совершенным поднадзорным лицом, зависимость установления подобного наблюдения от характера и степени общественной опасности данного деяния (стр. 22) сами по себе еще не являются свидетельством уголовно-правовой природы

применяемых в этом случае мер и тех социальных связей, в границах которых таковые реализуются. Ведь правовой основой для осуществления административного надзора, а соответственно и возникновения упомянутых общественных отношений является не УК РФ, а Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ, положения которого в Уголовный кодекс РФ не включены, а следовательно, по меньшей мере сомнительно, что указанный Федеральный закон может считаться законом уголовным. Между тем для определения правовой природы принудительных мер и характера правовых отношений, в которых они реализуются, немаловажным является отраслевая принадлежность правовых норм, названные отношения регулирующих.

Не совсем корректен и такой аргумент, приводимый в пользу отнесения административного надзора к мерам уголовно-правового характера, как указание на цель его установления (стр. 23). Ведь цель предупреждения правонарушений, не обладающих уровнем общественной опасности, присущего преступлениям, не ставится уголовным законодательством (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В то же время, согласно упомянутому Федеральному закону, целью установления административного надзора выступает предупреждение не только преступных деяний, но и других правонарушений (ст. 2).

Нельзя, думается, считать безукоризненным и довод, заключающийся в указании на связь института административного надзора с судимостью (стр. 27). Ведь судимость, как признано в науке уголовного права, вызывает к жизни не только уголовно-правовые, но и иные последствия (чаще всего их называют общеправовыми). Кроме того, с точки зрения действующего закона нельзя утверждать, что административный надзор абсолютно во всех случаях реализуется в рамках отношения судимости. Так, в соответствии ч.2.1 ст. 3, п. 3 ч.1 ст. 5, п. 2 ч. 1 ст. 9 названного Федерального закона в его действующей редакции административный надзор в отношении лиц, совершивших в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, может продолжаться и после снятия с лица судимости. К тому же продолжительность срока административного надзора может быть больше срока погашения судимости (п. 3 ч. 1 ст. 5).

Я полагаю в связи со сказанным, что диссертант, утверждая, будто меры, применяемые в рамках административного надзора, носят уголовно-правовой характер, и что таким же характером обладают общественные отношения, в границах которых административный надзор осуществляется, выдает желаемое за действительное. Видимо, так должно быть. Но подход действующего закона к решению рассматриваемых вопросов иной, подтверждением чему является и название, данное законодателем

указанному виду наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

4. В работе, на мой взгляд, не нашло должного обоснования предложение диссертанта дополнить перечень отягчающих обстоятельств таким обстоятельством, как «совершение преступления при нахождении под превентивным надзором» (стр. 13, 181). Во-первых, не ясно, на сколько типичны ситуации, при которых указанное обстоятельство имеет место, а рецидив отсутствует. Во-вторых, не сняты сомнения, что совершение любого преступления, а не только образующего рецидив (в том числе и неосторожного) лицом, находящимся под административным надзором, безусловно указывает на необходимость назначения более строгого наказания, чем лицу, не подвергнутому такой мере. Автор также не дает никаких пояснений относительно того, как будут соотноситься между собой новое отягчающее обстоятельство и то, которое предусмотрено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

5. Несколько смущают меня отдельные суждения диссертанта, высказанные ею относительно объекта преступления в целом и объекта преступлений, предусмотренных главой 31 УК России. Во-первых, вопреки утверждению автора (стр. 76-77), в науке уголовного права советского периода вовсе не было единодушия относительно базовой категории для определения понятия объекта. Наряду с господствующей теорией объекта преступления – общественного отношения, развивалась и концепция объекта преступления – интереса (Н.И. Коржанский). Допускалось и смешение объекта с предметом преступления. Во-вторых, диссертант не дает пояснений, почему она именуется объект преступлений, объединенных в главу 31 УК РФ, видовым (стр. 77). А это особенно важно было сделать, поскольку на другой странице работы (стр. 79) соискатель утверждает, что в УК РСФСР 1960 года нормы, предусматривающие ответственность за деяния против правосудия, были объединены в отдельной главе по признаку родового объекта преступления. Хочется спросить соискателя, какая чудесная метаморфоза произошла с объектом преступлений против правосудия, что он из родового объекта превратился в видовой.

Мне представляется, что господствующая четырехчленная классификация объектов преступления не совсем подходит для существующей структуры Уголовного кодекса РФ. Создание разделов, объединяющих несколько глав, требует нового обозначения (не родовой, а межродовой объект). А что касается названия «видовой объект», то его уместнее употреблять применительно к отдельным видам преступлений, в том числе и предусмотренному в ст. 314¹ УК РФ.

6. На стр. 156 диссертации автор, на мой взгляд, высказывает слишком категоричные суждения о невозможности соучастия в преступлении, предусмотренном ст. 314¹ УК РФ. Убедительно аргументируя, почему соучастие в данном преступлении в форме соисполнительства исключается (стр. 157), диссертант высказывает сомнения в практической составляющей возможности в подобной ситуации и соучастия с распределением ролей.

Никаких аргументов при этом не приводится. Но действительно ли на практике не встречается, например, случаев склонения поднадзорного лица к уклонению от административного надзора либо несоблюдению установленных судом ограничений, т.е. случаев подстрекательства?

В работе имеются и другие недостатки, а также иные спорные суждения.

Однако не только высказанные в отзыве, но и другие замечания не относятся к концептуальной основе работы, не умаляют достоинств последней, не являются принципиальными.

При ознакомлении с работой у меня создалось впечатление, что она выполнена автором самостоятельно, на должном теоретическом уровне и представляет собою завершенное творческое исследование, посвященное актуальной и значимой в практическом отношении теме, содержащее новые идеи, большинство из которых надлежащим образом обосновано.

Рассуждения автора о комплексной природе института административного надзора и его уголовно-правовой составляющей, а также совокупность суждений диссертанта о содержании юридических свойств преступных деяний, описанных в ст. 314¹ УК РФ, несомненно, значимы для теории уголовного права, пополняют последнюю новыми знаниями.

Сформулированные в работе рекомендации по совершенствованию УК РФ способны оказать помощь законодателю в процессе реформирования положений уголовного закона в целях повышения профилактического потенциала постпенитенциарного наблюдения за лицами, совершившими преступления.

Рекомендации, носящие прикладной характер, могут принести пользу практическим работникам в преодолении затруднений, связанных с неоднозначным пониманием содержания некоторых признаков рассматриваемых в диссертации составов преступлений.

Материалы диссертации способны также послужить основой для подготовки и оптимизации интерпретационных судебных актов. Они могут с успехом использоваться в учебной и учебно-методической работе преподавателей юридических вузов и факультетов.

Выводы, изложенные в работе, прошли необходимую апробацию в 15 публикациях автора, включая 3 работы в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертаций, а также в выступлениях на конференциях всероссийского и международного уровня. Рекомендации и предложения, содержащиеся в диссертации, внедрены в практическую деятельность судов Красноярского края и в учебный процесс Сибирского юридического института МВД РФ.

Автореферат диссертации адекватен ее основному содержанию.

На основании изложенного я признаю, что проведенное А.О. Астаховой исследование вносит существенный вклад в теоретическое освещение проблематики отдельных преступлений против правосудия и одновременно представляет собой научно-квалификационную работу,

Данное исследование полностью отвечает требованиям, предъявляемым ВАК России к кандидатским диссертациям, изложенным в п.п. 9-11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 28 августа 2017 г. № 1024), а его автор – Алина Олеговна Астахова – заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Neer

Подпись Лисовская Н.В. _____ заверяю
Ученый секретарь федерального
государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Волгоградский государственный
университет» _____
Н.В. Лисовская
20 17 г.

